74]. (Тем не менее, заметим в скобках, что в работах эмигрантских авторов имеются сведения как о героизме коммунистов на полях сражений Гражданской войны [9, с. 115], так и проводимой в Красной армии агитационно-пропагандистской работе) [11, с. 389-390].

Что касается «пряника», то, по мнению генерала А.И. Андогского, РККА в годы Гражданской войны существовала за счет перераспределения в ее пользу всех средств истощенной страны. В то время как гражданское население умирало от холода и голода, военнотружашие и их семьи пользовались «хорошим жизненным обеспечением»: «обильным продовольствием» и всякими другими «жизневыми преимуществами» [1, с. 4, 45-46].

Таким образом, в литературе русского зарубежья накоплен определенный опыт исследования темы. Несомненной ценностью многих работ эмигрантских авторов является то, что они представляют свидетельства людей, непосредственно участвовавших в событиях начала XX века. Тем не менее, для того, чтобы выйти на уровень серьезных научных обобщений, представляется необходимым использовать данные зарубежной историографии, а также наработки отечественных исследователей (прежде всего, военных историков).

1. Андогский А.И. Как создавалась Красная армия советской России. (Уро-ки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк. – Владивосток, 1921. – 79 с.
2. Будберг А. Дневник//Архив Русской Революции. – Т. XII. – Берлин, 1923. – С. 197 – 290
3. Будберг А. Дневник//Архив Русской Революции. – Т. XIV. – Берлин, 1924. – С. 225-341
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысл-ли члена Омского Правительства). – Т.П.- Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. – 606 с.: ил.
5. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. – Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918г. – Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1924. – 271 с., 33 л. илл., карт.
6. Лукомский А.С. Воспоминания. – Т. 2. – Берлин: Кирхнер, 1922. – 332 с.
7. Мамонтов С. Походы и кони. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – 476 с.
8. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. – Бер-лин, 1922. – 117 с.
9. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. – Берлин, 1920. – 168 с.
10. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918-1922: Впечатления очевидца. Paris: YMCA-PRESS, 1985. – 142 с., 1 л. портр.
11. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

Бодрова Е.В.

Концептуальные подходы к реформированию высшей технической школы РФ в «переходный период»

*Московский технологический университет
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-09

idsp: 000001:spc-10-01-2018-09

Исторический опыт разработки концептуальных основ реформирования инженерного образования РФ после распада СССР представляется весьма актуальным для исследования в настоящее время. Изучение ранее не опубликованных архивных документов позволяет с большей степенью достоверности оценить основные подходы и результаты реформ в этой сфере. Все проекты разрабатывались в рамках осуществляемых тогда в стране либеральных реформ, основным являлся принцип, предполагающий «освобождение научно-технической сферы от балласта»[1]. Выжить, приспособившись к рыночным условиям, должен был и кадровый потенциал научно-технического комплекса страны. Основные направления государственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования были определены в «Государственной программе развития высшего образования в Российской

Федерации». Анализ состояния высшей школы и первоочередные меры по сохранению ее интеллектуального и материально-технического потенциала содержались в представленном в 1992 г. Президенту, Верховному Совету и Правительству Российской Федерации Докладе «Высшая школа России: состояние и программа развития»[2], подготовленном Министерством науки, высшей школы и технической политики.

Реализация программы предусматривала 3 этапа: до 1993 г. должна была проводиться реформа структуры образования, системы управления высшей школой и предусматривалось создание новых рыночных механизмов ее функционирования. В 1994-1995 гг. намечалась стабилизация новой системы, практическая отработка и оценка эффективности ее механизмов. В 1996-2000 гг. планировалось наращивание потенциала и качества системы, включение в мировую систему высшего образования и разделения труда с обеспечением конкурентоспособности подготавливаемых специалистов.

Разработчики Доклада, констатируя нарастание проблем высшей школы (прежде всего, бюджетное финансирование высших учебных заведений составляло только 40-60% от минимальной потребности; практически отсутствовала финансовая поддержка вузов на уровне республик в составе Российской Федерации, краев и областей; поступления средств от коммерческой образовательной, научно-исследовательской, производственной деятельности не превышали 5-7% общего объема используемых финансовых ресурсов), предлагали «гибкую корректировку высшего образования с учетом особенностей, реальной социально-экономической ситуации»[3]. Главным образом, речь шла о выделении группы вузов приоритетной государственной поддержки, разработке и реализации системы распределения финансовых и других ресурсов, учитывающей потенциал и значимость вузов; об осуществлении реформы структуры высшего образования с введением различных по срокам и уровням подготовки образовательных программ; об оказании поддержки сети негосударственных высших учебных заведений, использовании внебюджетного финансирования высшей школы за счет контрактного обучения иностранных граждан и преподавательской деятельности за рубежом; о развитии производственной инфраструктуры системы высшей школы с целью решения задач частичного самообеспечения; о реализации мер, направленных на стимулирование самофинансирования высшей школы и др.[4]

Одновременно с организационной предполагалась и структурная перестройка высшей школы, обеспечивающая выпуск специалистов в соответствии с «реальными и перспективными потребностями личности и общества»[5]. Значимым для разработчиков представлялось резкое сокращение выпуска инженеров и увеличение мест для подготовки экономистов, юристов, управленцев.

В это же время руководством Миннауки был подготовлен еще один Доклад Президенту РФ, в котором обосновывалась необходимость радикальных реформ в сфере инженерной подготовки. Главным аргументом являлись ссылки на нарастающей отставание в сравнении с США, причиной чему являлась порочность советской системы обучения: количественные показатели роста объемов подготовки специалистов превалировали над показателями качества обучения; производственный аппарат экономики был ориентирован на привлечение низкоквалифицированного труда. Одновременно признавался как весьма высокое качество подготовки по специальностям военно-промышленной ориентации. Поэтому, по мнению авторов, следовало осуществить «демилитаризацию вузов и вузовской в рамках Государственной программы конверсии»[6]. В Докладе предлагалась также следующая причинно-следственная связь: низкий профессионализм преподавателей обуславливает «выпуск слабых выпускников, производящих отсталую технологию, которая вновь отбрасывает нас назад»[6]. Подобным образом авторы доклада обосновывали вывод о чрезмерности выпуска инженеров в нашей стране. Приводились и другие аргументы:

доля инженеров в общем числе занятого населения в США составляла 1,3%, во Франции - 1,7%, Японии - 1,9%, а в России - 4,6%. На 10 специалистов инженерного профиля, занятых в экономике Российской Федерации, приходилось 14 специалистов нетехнического профиля, а в США - 114, в Германии - 39, во Франции - 32 специалиста. При этом на долю одного инженера у нас приходилось произведенного национального дохода в 10 раз меньше, чем в расчете на американского. Причем, там, где насыщенность специалистами была выше, чем в США, там дела обстояли плохо (сельское хозяйство, капитальное строительство). Поэтому, полагали авторы, следовало увеличить выпуск экономистов: из более чем 5,5 млн. экономистов в СССР имели высшее образование только 1,4 млн. человек[7]. Снижение доли приема на инженерно-технические специальности, наблюдающееся в последние годы перестройки, разработчики оценивали как позитивное явление, которое бы следовало закрепить.

Называлась и другие причины отставания СССР: неравномерное территориальное распределение потенциала высшей школы, недостойное состояние материально-технической базы вузов[8]. В числе важнейших просчетов государственной научно-технической политики СССР называлось разделение науки на академическую, отраслевую и вузовскую. Применительно к вузам это привело, по мнению авторов, во-первых, к значительному недоиспользованию потенциала научных и научно-педагогических кадров и, во-вторых, к разрыву органических связей научного и учебного процессов и к снижению качественного уровня преподавательского состава и подготовки специалистов, выключенных из сферы научного процесса. Эффективность вузовской науки оставалась низкой[9]. Но главной опасностью современной России авторы называли не востребованность знаний. Проявлялось это, с их точки зрения, в снижении престижности интеллектуального труда в России. Уровень подготовки в средней школе в докладе также характеризовался как низкий. В целом подобные заключения, на наш взгляд, нуждаются в перепроверке и специальном исследовании. Автор, проработав многие годы, включая т.н. «переходный период», в московских вузах, не может согласиться ни с подобными оценками уровня культуры и квалификации преподавателей, ни с констатацией низкого уровня инженерной подготовки. Выпускники советской высшей технической школы оказались весьма востребованными на Западе.

В целом Доклад Миннауки, изобилующий негативными оценками состояния советской высшей школы, подчас, весьма точными заключениями о текущем финансовом положении, не содержал ни конкретных механизмов преодоления негативных тенденций, ни рецептов, кроме известных «открытости миру и обретения общечеловеческих ценностей». Воспоминания же о достигнутых в ходе реформ результатах позволяют, на наш взгляд, говорить как о чуде спасения высшей школы и науки, несмотря на эти «преобразования». Главное, что предполагалось, - планировать подготовку кадров, ориентированных на эксплуатацию производственного аппарата невысокого технического уровня»[10]. Таким образом, перспектива деиндустриализации и демодернизации для России разработчиками реформ была обозначена достаточно четко. Признавалось, что требуется ряд мер «чрезвычайного характера» по защите высшей школы от деградации и распада в условиях политической нестабильности, экономического кризиса. Меры эти должны были быть направлены, прежде всего, на самообеспечение функционирования вузов и выделение небольшой их группы, требующей государственной поддержки. В результате финансирование системы образования в 90-е гг. было в 2-2,5 раза меньше, чем предусматривалось законодательством, осуществлялось по остаточному принципу[11]. Расходы на заработную плату работникам образования оказались ниже прожиточного минимума.

Отмечая выявленные в ходе исследования некоторые позитивные итоги реформирования высшего образования России в этот период – преобразование ведущих профильных вузов в университеты, начало интеграции российской системы

инженерного образования в мировое образовательное пространство, – нельзя не видеть, что высшая техническая школа страны в 1990-е гг. развивалась в условиях системного кризиса, недофинансирования, отсутствия научно-обоснованной программы, государственной поддержки. Государственная политика и в этой сфере отличалась непоследовательностью и хронической нереализованностью намеченного. Проведенное исследование и иные, опубликованные нами данные [12,13], позволяют констатировать игнорирование со стороны органов исполнительной власти требований и предложений вузовской общественности, пренебрежение к сложившимся в отечественной высшей школе традициям. Единственной значимой, на наш взгляд, победой научно-педагогической общественности явилась остановка процесса приватизации учреждений научной и образовательной сферы. Оезкое сокращение финансирования научно-технической сферы и инженерного образования было связано не только с кризисными процессами в экономике. Оно обосновывалось теоретически.

1. Государственный архив Российской Федерации Ф. 10265. Оп.1. Д. 55. Л.263-264.
2. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1 Д.55. Л. 143.
3. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1 Д.55. Л.143
4. ГАРФ Ф. 10265. Оп.1. Д. 57. Л.46-55.
5. ГАРФ Ф. 10265. Оп.1. Д. 57. Л. 219.
6. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.191.
7. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л. 192.
8. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.193.
9. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л. 204.
10. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.207.
11. Архив Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Ф. 10100. Оп. 15 п-III. Д. 39. Л. 152.
12. Bodrova E. V., Kalinov V.V.Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the "Transition Period": Plans and Reality in 1990s// Journal of History Culture and Art Research 6(5) (Special Issue on Russian Studies) Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi ANA SAYFA > Cilt 6, Sayı 5 (2017) P.192-199// [Электронный ресурс] URL: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/issue/view/31> (дата обращения 03.01.2018)
13. Бодрова Е.В., Голованов Н.Б. Модернизация высшей технической школы: исторический опыт и современность// Российский технологический журнал. М. Московский технологический университет. 2017 Т. 5.№.6. С.73-97.

Гурин В.В.

**Сюжетный уличный краеведческий квест: опыт разработки
и проведения в г. Томске**

*Томский государственный педагогический университет
(Россия, Томск)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-10

idsp: 000001:spc-10-01-2018-10

Аннотация

Автор статьи делится опытом создания и проведения уличных квестов в г. Томске. В статье излагаются проблемы такого рода деятельности и возможные пути их решения, а так же соображения на счет перспектив коммерческого запуска уличных квестов.

Ключевые слова: уличные квесты, экскурсии, Живой город, игра.

Annotation

The author shares the experience of creating and conducting street quests in Tomsk. The article outlines the problems of this kind of activity and possible solutions to them, as well as considerations on the prospects of commercial launch of street quests.

Key words: street quests, excursions, game, Living city.